

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Книга «Меня зовут Гоша. История сироты» стала спасательным кругом, за который мы с Гошей смогли ухватиться. Когда мы только познакомились — Гоша свалился мне как снег на голову — я увидела перед собой открытого доброго парня. Помню, даже удивилась: «Что такой замечательный мальчик делает в детском доме? Почему до сих пор не в семье?». Хотя, к сожалению, это был не первый случай, когда приходилось задавать себе подобный вопрос. Гоша понравился мне с первого взгляда, ему не нужно было прилагать никаких усилий, чтобы вызвать симпатию. Но проблема была в другом: я понятия не имела, чем могу помочь практически взрослому парню. Учítывая, что Гоша не только стал сиротой, потеряв при рождении семью, но и успел как следует запутаться в собственной жизни, нужны были мощные стимулы для того, чтобы он сам захотел изменить свою судьбу. Никто не смог бы сделать этого, кроме него самого. На мой взгляд, самая большая иллюзия заключается в уверенности, что один человек способен изменить жизнь другого человека. Я думаю, так это не работает ни со взрослыми, ни с детьми. Можно только пробудить в другом человеке новые интересы и желание что-то в своей жизни менять.

Тогда я еще не знала, что именно может стать стимулом для Гоши. Я постоянно думала об этом после нашей встречи.

Мне было приятно, что Гоша сам потянулся к общению. Он прилагал усилия, выходил на связь — это был хороший знак готовности вкладываться в отношения. Нередко в детских домах приходится видеть совсем другую картину: дети полны отчаяния, закрыты, лишены сил и желания идти на контакт; смирившись со своей ненужностью, они постепенно теряют волю к жизни. Гоша был не таким, и это вселяло большие надежды. После первой же встречи у меня не осталось сомнений в том, что наше общение продлится не один месяц и даже не один год. Но страхов и неуверенности в своих силах хватало, а главный принцип «не навреди» не позволял делать резких шагов. Для себя я решила, что готова начать с наставничества. Сработал еще один жизненный принцип: «Делай, что должно, и будь, что будет». Я начала пробовать разные варианты, чтобы заинтересовать Гошу чем-то социально полезным и отвлечь от привычных в детском доме, но опасных занятий. Пригласила его в фонд «Арифметика добра» в качестве волонтера, дала возможность заглянуть в обычную жизнь обычной семьи, постаралась увлечь разговорами о жизни, помогла подработать. Одним словом, просто делала то, что понятно мне, и делилась всем, что могу сама. В той же логике пришла и идея с книгой — Гоша оказался творческим парнем. Уже на второй встрече я предложила ему написать историю своей жизни и пообещала помочь с редактурой. Мне тогда показалось, что это занятие может отвлечь его от страшных пристрастий, в которые он полностью погру-

зился. Хотя в том, что подросток из детского дома воровал, увлекался алкоголем и забросил школу, не было его вины — это был вполне естественный «ответ» на неестественные условия жизни.

К счастью, Гоша заинтересовался идеей книги. Я тогда просто прыгала от радости — честно! — потому что у нас с ним благодаря сотворчеству появлялось общее пространство, в котором он мог воспринимать меня как наставника, мог обращаться за помощью и поддержкой. Кроме того, мне было по-настоящему интересно — каждая история, которую рассказывал Гоша, помогала лучше понять и его самого, и устройство системы детских домов. Позволяла ощутить то, что чувствует ребенок, живя в учреждении, и пройти следом за ним по бесценной дороге жизни. Я благодарна Гоше за то, что он открыл двери в незнакомый мир, за то, что с самого начала был честным. Ведь если не понимаешь, не улавливаешь сути, которая спрятана в глубине, то и не можешь помочь. С первых строк у меня появилось чувство, что работа над воспоминаниями служит и самому Гоше добрую службу — он пытался многое переосмыслить, старался распутать клубок собственной жизни. Я принимала любую информацию, впитывала ее как губка и хотела стать для Гоши проводником к самому себе и во взрослую жизнь. Совместное творчество служило в этом деле прекрасным подспорьем.

Поначалу было совершенно неважно, выйдет когда-нибудь история Гоши из печати или нет: главное, что у парня появилось новое занятие, которое требовало рефлексии и отчасти играло роль терапии. По себе знаю, как «лечит» возможность писать — прорабатывать душевные травмы, жизненные неудачи, рассматривать

под лупой собственный опыт. Конечно, у меня не было идеи пустить процесс на самотек — Гоша работал с психологом в благотворительном фонде «Арифметика добра», у него была поддержка не только в моем лице, но и в среде профессионалов.

Летом 2015 года Гоша написал первые строчки в своем блокноте. Он присылал мне фрагменты по электронной почте и в сообщениях по телефону — иногда крошечные, всего по несколько предложений, иногда довольно большие, почти истории. Я аккуратно исправляла орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки и возвращала текст автору. Параллельно сохраняла каждую строчку в папке на своем компьютере. Создавалась своеобразная «Книга жизни» Гоши. За не полных три года он написал пятнадцать страниц. Для профессионального писателя — неудача, а для Гоши — огромный прорыв. Все это время он думал, вспоминал, рассказывал. Мы многое обсуждали и постоянно говорили о событиях его прошлого и о чувствах, которые он испытывал. Гоша мечтал закончить книгу, но не хватало навыков и усидчивости. К тому же вокруг него уже забурлила новая жизнь — учеба, знакомства, друзья. Весной 2018 года мы с ним решили, что теперь продолжим в новом ключе: Гоша будет рассказывать, а я записывать. Стало ясно, что книга постепенно выходит за рамки первоначальной задачи — отвлечь Гошу, переключить его внимание на новую жизнь. Это, к счастью, уже произошло. Теперь стало видно, что в тексте, словно в зеркале, отражается судьба ребенка, потерявшего семью. Рождается откровенный монолог без цензуры, без вмешательства взрослых и тех, кто точно знает «как лучше». Я изначально поставила перед собой цель не

появляться в тексте, стать невидимкой, а только бережно переключать на бумагу все, что слышу от Гоши. Сохранять его голос и его самого. Не скажу, что работа была простой — нередко Гоша не находил слов, чтобы выразить свои мысли и чувства. Но мы никуда не торопились. Возвращались к одним и тем же ситуациям снова и снова. Искали названия эмоциям, переживаниям, событиям. Такой подход еще больше сблизил нас: Гоша открывался с каждой новой историей все больше, ему не нужно было бояться критики или осуждения, он чувствовал, что получил в моем лице надежный ретранслятор. Каждый раз, когда он просматривал новую главу, только-только законченную мной, его лицо сияло от счастья: он видел самого себя. А я радовалась тому, что мы движемся в нужном направлении. Так, общими усилиями, мы смогли добраться до последних страниц.

За три года многое изменилось. И все-таки я уверена, что сотворчество сыграло в наших с Гошей отношениях важную роль, оказалось своего рода «ключом». Между нами возникло глубокое доверие, появилось безусловное принятие, произошло качественное развитие каждого из нас. Но это еще далеко не все. Переложена на бумагу реальная история, которая поможет многим взрослым иначе посмотреть на мир детей-сирот. Избавиться от мифов, стереотипов и, возможно, даже ответить себе на вопрос: «Что именно я могу сделать, чтобы помочь?».

Нам с Гошей было непросто решиться на публикацию. Книга получилась слишком личной и при этом документальной. Конечно, мы понимаем, что найдутся люди, — прежде всего сотрудники и бывшие воспитанники детских домов — которые скажут: «Нет, у нас

все было не так». Вполне возможно. И это тоже повод делиться тем, что именно довелось испытать: до сих пор по пальцам одной руки можно пересчитать книги, которые рассказывают о жизни ребенка-сироты от первого лица. У нас огромный пробел в историях от имени самих детей. О сиротах рассказывают чиновники, сотрудники детдомов, волонтеры, спонсоры, журналисты, кто угодно, но только не они сами. Мы видим картину только глазами взрослых людей. Но рассказ Гоши — это история и голос самого ребенка. В ней много доброго и хорошего, но не меньше страшного и тяжелого. Волею-неволей книга раскрывает многие особенности жизни ребенка в системе. Она — возможность заглянуть в мир сиротства и наконец понять, какое несчастье стоит за мнимым благополучием сытой детдомовской жизни. Насколько важнее всех мыслимых материальных благ любовь и забота семьи.

Какие они эти дети, пережившие потерю родителей, отверженность и одиночество? Благодаря истории Гоши мы можем вместе пройти этот непростой, но бесценный путь.

Диана Машкова, писатель, журналист, руководитель программы «Просвещение» БФ «Арифметика добра», мама 4 детей, 3 из которых приемные.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы с Гошей искренне благодарим каждого человека, который встретился нам на пути, — если бы не влияние людей, благотворное или вредное, мы не стали бы сегодня теми, кто мы есть.

Огромная личная благодарность Роману Авдееву, основателю благотворительного фонда «Арифметика добра» и отцу 23 детей, 17 из которых усыновленные. Фонд стал мощным ресурсом для семей, принимающих детей-сирот. Сегодня в «Арифметике добра» работает Школа приемных родителей, она готовит к принятию подростков. Можно пройти обучение и в Школе Наставников и стать значимым взрослым в жизни подростка-сироты. Много делается для поддержки ребят, которые пока еще не нашли семью и живут в детских домах. Огромное внимание уделяется просвещению общества и образованию детей-сирот. Большое спасибо председателю правления фонда Наиле Новожиловой за глубокую вовлеченность в дело и мудрость в решении самых сложных задач. Низкий поклон коллегам, штатным и внештатным сотрудникам благотворительного фонда «Арифметика добра», за самоотверженный и круглосуточный труд, за помощь детям-сиротам и семьям, принимающим их.

Особая благодарность – членам клуба «Азбука приемной семьи». Мы с Гошей чувствовали поддержку на каждом этапе создания книги и постепенно приходили к мысли о необходимости ее публикации. Приемные родители как никто другой осведомлены о проблемах сиротства. Они обладают ценными знаниями и навыками, которые помогают воспитывать самых сложных детей. Усыновление и опека – непростая стезя, это большой труд и ответственность на всю жизнь. Люди, которые выбирают такой путь помощи детям, не ожидая благодарности и отдачи, заслуживают самого глубокого уважения общества. Они выполняют важную работу. Кстати, некоторых друзей Гоши, которые упоминаются в книге, приняли в свои семьи члены клуба. Низкий за это поклон им и всем людям, воспитывающим в своих семьях сирот.

Спасибо нашей семье за поддержку, принятие, за умение расти и меняться вслед за обстоятельствами и условиями жизни. Это настоящий талант.

От всей души благодарим нашего любимого глубокоуважаемого редактора Ольгу Аминову за веру, человеколюбие и непревзойденный профессионализм. Уверенность Ольги в том, что подобные книги увеличат число людей, готовых изменить судьбы брошенных детей к лучшему, служит для нас путеводной звездой.

Спасибо всем, кто по долгу службы и зову сердца помогает сиротам восстанавливать связи с кровными семьями или находить новые, приемные, семьи. И всем, кто готов услышать простую истину – подросткам тоже нужна семья.

- Гоша, так ты не знал, как зовут твою маму?
- Нет, откуда? Это же тайная информация, нам в детдоме не говорили.
- Гоша, это не тайная информация, а твоя собственная история. Сколько лет тебе было, когда ты узнал?
- Точно не помню. Я вроде еще в младшем школьном корпусе жил, учился в четвертом классе.
- В девятом, когда мы познакомились, тебе было пятнадцать. Значит, в четвертом – десять. Так?
- Да.
- И до этого тебе никто ничего не рассказывал?
- Нет. Я тебе еще раз говорю – это закрытая информация.
- Почему? От тебя она не должна быть закрытой.
- Так у нас у всех было прописано ЗПР¹ и так далее. Воспитатели в баторе² говорили, что, типа, если мы узнаем, это еще больше усложнит ситуацию...

¹ ЗПР – задержка психического развития. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Б а т о р – производное от «инкубатор», на сиротском жаргоне – «детдом».

ГЛАВА 1

СТРАШНАЯ ТАЙНА

Я о себе знаю мало. Кем были мои родители? Как я родился? Без понятия. Знаю только, что меня произвели на свет и тут же выбросили, как ненужную вещь, — мать написала отказ в роддоме. Вот и хранятся у меня теперь вместо семейного архива с фотками и прочим всего три бумажки — свидетельство о смерти отца, мое свидетельство о рождении и свидетельство о моем крещении. В последнем, кстати, тоже ничего не написано: ни крестного отца там нет, ни крестной матери. Странно как-то. Я слышал, крестные как раз нужны, чтобы, если что, заменить мать и отца. А у меня ни тех, ни других. Таинство крещения совершил иерей Виктор. Хоть это написано. Но его я тоже не помню. Кто он такой, что со мной делал?

Родился я 6 мая 1999 года. Крестили меня 8 сентября 2000-го. И до десяти лет я не знал, как звали мою мать. Никогда не слышал имени своего отца. Нам в детдоме говорили, что это секретная информация. Вроде как нельзя ситуацию осложнять. У нас же диагнозы у всех там прописали — ЗПР, еще что-то типа того. Поэтому мало ли. Откроют нам страшную тайну, а мы вдруг вразнос пойдем.

Но однажды, я тогда учился в четвертом классе, в наш детдом приехала комиссия. Воспитательницы вытащили из архивов наши портфолио, положили их на край стола. И мы, такие: «О, что это за папки, что там про нас написано?» Они куда-то вышли, и мы давай все это читать. Так я узнал имена-отчества своих матери и отца. Мою мать, оказывается, звали Верой Евгеньевной. А отца Василием Георгиевичем. Я тогда очень обрадовался — я же Георгий Васильевич. Как бы наоборот. Еще я увидел там свидетельство о смерти своего отца, но, честно говоря, не очень понял, что это значит. До этого момента никаких разговоров о семье не было. Я никогда не спрашивал, откуда взялся. Меня не интересовал вопрос, как дети появляются на свет. Только в тринадцать лет у нас пошли разговоры о родителях. Мы уже жили в старшем корпусе, я учился, кажется, в седьмом классе. И к нам на работу пришла Татьяна Владимировна, воспитательница из другого детского дома. И вот она на некоторые вещи мне открыла глаза.

— Вообще-то я не должна вам это рассказывать, — она перешла на шепот, — потому что информация закрытая.

— Да?

— Но я скажу то, что безопасно.

— Лан.

— Твой папа, Гоша, умер еще до твоего дня рождения.

— Как это?

— Ну, вот так. Примерно за три месяца.

— Ничо себе, — я замер, впервые от нее об этом узнав.

— А мама твоя еще жива.

В ответ я промолчал. Не хотел ни о чем расспрашивать — раз жива, значит, я ей не нужен. А то пришла бы уже, за тринадцать-то лет.